

Сяо Хань поспешно подлетел и хлопнул злого духа по голове:

— Убирайся!

Красные глаза злого духа сверкнули и, получив удар, словно испугались Сяо Ханя, не оказав никакого сопротивления. Его тело постепенно растворилось во тьме, и он исчез.

Сяо Хань вздохнул с облегчением, но не успел проверить состояние Чжун Цзюня, как услышал его голос, словно зовущий его:

— Это ты? Тот, что у реки... дух?

Сяо Хань понял, что Чжун Цзюнь догадался, и откровенно ответил:

— Братец, это я.

Чжун Цзюнь на мгновение замолчал, словно преодолевая некий психологический барьер, прежде чем произнести:

— Я заблудился.

Сяо Хань, конечно, знал, что тот заблудился, но, видя, что Чжун Цзюнь не хочет говорить об этом, тактично промолчал.

Он подошел ближе, взял Чжун Цзюня за руку и улыбаясь:

— Держись за меня, я выведу тебя.

Чжун Цзюнь почувствовал, как его рука сжала холодную ладонь Сяо Ханя. Осознав, что это рука маленького духа, он, к своему удивлению, не испытал отвращения.

Он перехватил маленькую руку Сяо Ханя, которая была намного меньше его собственной, и тихо сказал:

— Спасибо.

— Не за что, — покачал головой Сяо Хань. — Братец, меня зовут Сяо Хань, ты можешь так меня называть.

Он явно знал, что Чжун Цзюнь хотел сказать раньше.

Чжун Цзюнь почувствовал неловкость. Он никогда не считал духов существами, заслуживающими уважения, и впервые осознал, что у духа тоже может быть имя.

Эта мысль заставила его усмехнуться над собой. Духи — это бывшие люди, а у людей есть имена, так что, конечно, духи сохраняют свои прежние имена.

Он почувствовал стыд, понимая, что этот дух рядом с ним отличается — у него есть имя, эмоции, как у человека.

— Меня зовут Чжун Цзюнь. Можешь звать меня Чжун Цзюнь или просто братец.

— Братец, — тут же сладко произнес маленький дух.

На этот раз Чжун Цзюнь не испытал никакого сопротивления и принял это.

С Сяо Ханем рядом духи держались на расстоянии, и в ушах Чжун Цзюня стало гораздо тише.

Один человек и один дух долго пробирались через лес, и к рассвету достигли ворот Академии Чжунлу.

Чжун Цзюнь сжимал руку Сяо Ханя, чувствуя, как холодные кончики пальцев постепенно согреваются в его ладони, становятся похожими на теплое, гладкое нефритовое изделие — мягкое и нежное. Он посмотрел вдоль руки и увидел фарфоровый профиль Сяо Ханя. В утреннем свете, который становилось всё ярче, Чжун Цзюнь мог даже разглядеть мелкие волоски на его щеке.

Он совсем не походил на духа.

Сяо Хань не заметил странного взгляда Чжун Цзюня, он смотрел на табличку над воротами. В слабом свете зари были отчетливо видны четыре крупных иероглифа: «Академия Чжунлу».

Духи, бродящие в лесу, не приближались к академии именно из-за этой таблички.

Когда-то Сяо Хань, услышав рассказы других духов, тоже считал табличку ужасной и обходил академию стороной, боясь ощутить ту боль, о которой говорили другие духи — будто их сожгут дотла. Но сейчас он стоял прямо под табличкой и не чувствовал никакого дискомфорта.

Немного устав стоять, он пошевелил руками и ногами, и его тонкая рука легко выскользнула из ладони Чжун Цзюня.

Когда Чжун Цзюнь опомнился, Сяо Хань уже парил в воздухе, направляясь прямо к позолоченной табличке.

Вспомнив свои прежние предположения о том, почему духи не приближаются к академии, Чжун Цзюнь испугался и инстинктивно крикнул:

— Сяо Хань, вернись!

Но было уже поздно. Сяо Хань протянул руку и коснулся твердой поверхности таблички, его тонкие белые пальцы скользили по иероглифам.

Услышав голос Чжун Цзюня, он обернулся:

— Что случилось?

Его пальцы все еще касались иероглифа «Лу».

— ...Ничего, — покачал головой Чжун Цзюнь.

Видя, что с Сяо Ханем все в порядке, он начал сомневаться в своих догадках.

Может, духи не приближаются не из-за таблички, а по другой причине? Чжун Цзюнь не мог понять.

Но, несмотря на это, вид Сяо Ханя, парящего так высоко, с развевающимися на ветру широкими рукавами, вызывал у Чжун Цзюня тревогу, будто тот в любой момент может улететь. Поэтому он попросил Сяо Ханя поскорее спуститься.

Сяо Хань, насмотревшись на табличку, решил, что это просто красивая деревянная доска с золотыми иероглифами, и ничего более.

Она не была такой ужасной, как рассказывали духи.

Он скучно убрал руку и вернулся к Чжун Цзюню, бормоча себе под нос:

— Просто кусок дерева, почему все так его боятся?

Чжун Цзюнь видел, как его губы шевелятся, но не расслышал слов, и спросил:

— Что ты сказал?

Сяо Хань хотел ответить, но, заметив на востоке первые лучи солнца, вдруг широко раскрыл глаза:

— Кошмар, не успеваем!

Чжун Цзюнь тоже посмотрел в ту сторону и заметил восход.

Духи не могут находиться на солнце. Если они случайно подвергнутся его лучам, то либо сильно пострадают, либо вовсе рассеются.

Он тоже начал беспокоиться за маленького духа.

— У тебя есть нефритовый кулон? — Возвращаться было уже поздно, и Сяо Хань вспомнил слова старого духа. — Можно мне спрятаться в нём?

Эта мысль сразу же его огорчила.

Он хотел спрятаться в нефритовом кулоне. Старый дух говорил, что нефрит — дорогая вещь, которая может питать духа, но чтобы войти в него, нужно разрешение владельца.

Обычно люди не позволяют духам селиться в своих кулонах, потому что после этого нефрит теряет свою духовную энергию, а его качество ухудшается. К тому же духи считаются нечистыми, и живые стараются избегать их.

Перебрав в уме множество мыслей, Сяо Хань смущенно произнес:

— Я спрячусь ненадолго, не буду забирать много энергии.

Когда Сяо Хань задал вопрос, Чжун Цзюнь сразу вспомнил, что на шее у него висит нефритовый кулон — подарок матери, единственная вещь, оставшаяся от нее.

Вспомнив свою добрую и нежную мать, Чжун Цзюнь замер, не решаясь снять кулон.

Кулон уже был вытащен из-за одежды, и Сяо Хань это увидел, но внезапная пауза в движениях Чжун Цзюня заставила его засомневаться.

— Нельзя? — Солнце поднималось все выше, и максимум через четверть часа его лучи заполнят весь мир.

Сяо Хань никогда так сильно не хотел вернуться в свой прохладный бамбуковый домик. С грустью он подумал, что если Чжун Цзюнь не разрешит спрятаться в кулоне, то ему придется

провести день в каком-нибудь пруду, как А Мяо.

Но он ненавидел тину и запах пруда, да и находиться в воде не любил.

Сяо Хань с ужасом представлял, как плавает в пруду, а рыбы и креветки проплывают сквозь его тело, когда Чжун Цзюнь вдруг решительно произнес:

— Заходи.

Сяо Хань радостно поднял глаза и увидел, что Чжун Цзюнь уже снял кулон и держал его в руке.

— Спасибо, братец.

Поблагодарив, Сяо Хань поспешил скрыться в молочно-белом нефрите.

Чжун Цзюнь хотел уже убрать кулон, как вдруг чья-то рука выхватила его.

Чжун Цзюнь холодно посмотрел на вора.

Перед ним стояла толпа из десятка человек, и у большинства были синяки или разбитые лица. Лишь высокий юноша впереди был невредим.

Этот юноша был крепкого телосложения, с густыми бровями и звездными глазами, тонкие губы казались слегка насмешливыми. Несмотря на ученическую форму академии, он больше походил на молодого генерала, осматривающего свои владения.

И это было правдой. Юноша был старшим внуком клана У с Северных земель, У Хо. Клан У был известен своими военными заслугами, не уступая даже клану Хулюй из Цюэду, а превосходя его.

После смерти военачальника Хулюй Чэна клан Хулюй утратил былую славу, а клан У, наоборот, с каждым поколением становился сильнее. У Хо, представитель нового поколения, уже был на пике популярности.

Поэтому в Академии Чжунлу У Хо вел себя как хозяин.

Кулон Чжун Цзюня выхватил юноша с рябым лицом, который передал его У Хо, заискивающе улыбаясь.

<http://bllate.org/book/16771/1563917>